

На страницах газеты мы продолжаем рассказывать о тех, кто рисковал жизнью в боях, кто своими глазами видел, что такое другая жизнь, не та мирная, которой мы все живем. Мой собеседник Александр Глушенков. Ныне он руководитель Прокопьевского филиала Кемеровского объединенного учебно-методического центра по гражданской обороне и чрезвычайным ситуациям. А почти сорок лет назад – один из тех, кто в 1979 году в рядах Советской Армии прибыл в Афганистан.

– Я со школы выбрал стезю военного, – рассказывает Александр Анатольевич. – С 1973 по 1975 годы учился в Калинин (ныне Тверь), в Суворовском военном училище. Далее – Хмельницкое высшее артиллерийское командное училище. Закончил, служил. В конце 1979 года мы были переброшены в город Термез в Узбекскую ССР. Там наша 108-я мотострелковая дивизия завершила формирование, и перед самым Новым годом мы вошли в Афганистан.

Архивы рассказывают подробно о боевом пути дивизии. 13 декабря 1979 года распоряжением Генерального штаба 108-я дивизия была приведена в полную боевую готовность. В короткий двухнедельный срок все части дивизии были доукомплектованы призванными из запаса офицерами, солдатами и сержантами – так называемыми «партизанами» – жителями среднеазиатских республик и юга Казахской ССР. Именно «партизаны» и составят до 80% личного состава дивизии при вводе войск в Афганистан.

24 декабря министр обороны подписал директиву о вводе Советских войск в Афганистан, где было определено время перехода госграницы. В 15.00 25 декабря 1979 года 108-я МСД начала переправу по понтонному мосту на Кабульском направлении.

– Александр Анатольевич, какие цели были поставлены нашим военным?

– Дивизия выполняла задачи по обеспечению безопасности движения колонн по маршрутам Доши – Кабул, Кабул – Желалабад, охране объектов, имеющих важное значение: элеватор, склад горюче-смазочных материалов, электростанция в Кабуле, плотина и узел ГЭС в Суруби, аэродром Баграм и другие.

– Вы артиллерист. Расскажите о ваших военных буднях в то время.

– Службу я проходил в артиллерийском полку в батарее реактивных установок БМ-21 «Град». В батарею входили взвод управления и два огневых взвода. Я командир первого огневых взвода – старший офицер на батарее. Иногда приходилось работать за командира взвода управления, в обязанности которого входила корректировка огня. Людей порой не хватало. Помню, вернулся из рейда, только помылся, лег спать – и в три часа ночи команда «подъем». Согласно приказу выхожу с ротой в Желалабад старшим на огневые позиции. Текучка большая, времени на отдых мало.

Но вначале было спокойно. До апреля 1980 года мы с места не трогались. Обустраивались. Тылы у нас, по тогдашнему обыкновению, отстали. Первые недели жили в ужасных условиях. Спали на голых досках. Но с питанием было нормально.

После первого же рейда все вернулось со швами. Поясню, рейд мог длиться и до месяца по продолжительности. Ночевали в полевых условиях. И всякие насе-

«Афганские» воспоминания

Бои становились труднее, а мы крепче

В Прокопьевске недавно стартовал благотворительный марафон «Живая память». Главная цель этого марафона – сбор добровольных пожертвований на изготовление и установку на аллее Героев нового мемориального комплекса, посвященного памяти воинов, погибших в горячих точках планеты. Инициатива городского отделения Российского союза ветеранов Афганистана активно была поддержана городом и его жителями.

ИНТЕРВЬЮ

комые-паразиты были только рады нам. Вода в арыках очень грязная. Даже обеззараживающие таблетки делали ее едва пригодной для питья. Потому и были случаи с желтухой, тифом... А бельевая вошь – прям родное насекомое для солдата. Наверное, с Первой мировой войны еще так. Пришлось снабжать нас «душегубками», это камеры, где специально обрабатывалась одежда. Позже уже появились бани, модули для личного состава. Настоящие цивилизованные условия стали через два года, когда я уезжал. А поначалу было трудно в бытовом плане.

– Какие бойцы служили под вашим командованием?

– Вначале у нас были «партизаны» – таджики, узбеки. Очень исполнительные. Потом к нам пошли ребята срочной службы. Это совсем иная закалка и дисциплина. Парни могли и на посту прикорнуть. Но быстро поняли, что халатность на боевом дежурстве может стоить жизни. Приходилось учить, как в фильме «9-я рота». Например, «захватить» на посту задремавшего бойца. Нужно понимать, что здесь боевая обстановка.

У меня среди срочников служили двенадцать чеченцев. Горя с ними не знал. Дисциплинированные, исполнительные, очень чтили своих дедов-фронтовиков. Чуть ли не у каждого была с собой фотография родственника с боевыми наградами. Очень боялись в бою честь родни запачкать. Афганцев за единоверцев не считали. Забегая вперед скажу: никак не мог поверить, что позже началась такая война в Чечне... Не могли мои бойцы стать террористами, ненавидеть нашу страну. Ясно, что не обошлось там без стороннего вмешательства, профессиональных наемников и агитаторов-проповедников.

– Каков был ваш первый бой и как менялся характер боев далее?

– В апреле 1980-го наша батарея была придана 180-му мотострелковому полку для участия в рейде в районе Кабула. Первый бой оказался несложным. Да и все бои вначале такими были. Мы несли малые потери. Боевики передвигались большими группами. Мы отработывали по ним артиллерийским огнем, бомбила авиация. Наносили душманам огромные потери. Потом они изменили тактику, начали воевать мелкими группами, перешли на партизанскую войну. Засады, минирование, работа снайперов... Новое вооружение производства западных стран и США к ним поступало. Видно было, что душманы проходили подготовку в

тренировочных лагерях. Но и мы не стояли на месте. Срочники (ребята, призванные на срочную службу) тоже получали особую подготовку. Как в горах передвигаться, как воевать в них. Как выжить в этой обстановке. Тренировки не прекращались и в Афганистане. У нас был такой распорядок с утра: подъем, зарядка, пробежка до вершины сопки и назад. Потом только завтрак. Мы тоже меняли тактику ведения боев.

– Был ли ввод наших войск в Афганистан помощью афганскому народу?

– Да, так это называли в новостях, так рассказывали нам. Но было достаточно фактов, чтобы убедиться, что это не совсем так. Предательство со стороны правительственных афганских войск – не редкость. Рейды с их участием не были неожиданными для душманов. Особого доверия к ним не было. Спиной к ним лучше не поворачиваться. Мы четко понимали, если бы мы сюда не вошли, то тут стояли бы базы с ракетами, направленными на восточную часть нашей страны, Сибирь, которая была недоступна для атак с других плацдармов. Конечно, не все афганцы считали нас врагами. Но таковых было достаточно. Теперь из интервью бывших афганских командиров банд мы слышим, как они уважительно отзываются о наших солдатах, как запоздало благодарят за строительство школ, больниц, электростанций... Они увидели, что натовская «помощь» совсем не такая, как советская.

– Вы сказали, что бои становились все труднее. Мы несли потери. Какой бой вспоминается как самый трудный?

– Все бои по-своему трудные. Для кого-то каждый бой становился последним, для него он и был, наверное, самый трудный. Если обратиться к статистике, то наибольшие потери мы несли с 1980 по 1983 годы. Для меня же в памяти остался бой со 2 по 7 декабря 1981 года. Со своим взводом я был придан на усиление батальону 177-го мотострелкового полка по прочесыванию «зеленки» в районе Чарикара. Это обычный рейд, но оказалось, что на нашем маршруте собралась огромная группировка «духов». Так получилось, как нам позже рассказали, что там была сходка главарей банд. Мы по незнанию даже не ожидали в том поселке такого скопления душманов. Спешились на окраине и вошли в населенный пункт. А там каждый дом оказался крепостью, напичканной бандитами. Началась бойня в населенном пункте. Шесть дней мы бились. Дня три только до БТРов своих доползали. Головы из-за плотного огня поднять было нельзя. Я обеспечивал огневую поддержку. Но вскоре все позиции перемещались, уже не было четкого разделения, где наши, где враги. «Грады» не могли оказать эффективную помощь, чтобы не задеть своих. Приходилось вести огонь с ювелирной точностью, одиночными снарядами. Выручали вертолеты. Мы свои позиции обозначали оранжевым дымом. Но потом и у «духов» появились такие же дымовые шашки. Получилось, что теперь решал все только уличный бой. Без преимуществ в авиации и артиллерии. С юга на помощь выдвигался разведывательный батальон дивизии под командованием Руслана Аушева (удостоенного звания Героя Советского Союза).

Наши ребята показали себя достойно. Срочники не уступали опытным боевикам. Причем нашим приходилось держать оборону, а потом пробиваться к колонне группами порой по пять-восемь человек. В том почти недельном бою мы потеряли убитыми и ранеными около трети людей, погиб наш командир батареи Игорь Генералов. Но нас не сломали, не перебили, как куропаток. Паники не было. И это при том, что бандиты хорошо знали местность, искусно использовали кирзизы. Это подземные ходы. И все равно они понесли огромные потери, а нас не смогли разгромить и уничтожить.

– Слышал, что вы были ранены в Афганистане...

– Ранение я получил за две недели до возвращения в Союз. Сопровождал груз на аэродром и на обратном пути попал в засаду, под автоматный обстрел. Обошлось легким ранением в ногу. Так бывает, что все бои пройдем живым и целым, а в самом конце что-нибудь, как назло, приключится. Судьба на войне большую роль иногда играет. В первые месяцы в Афганистане мне запомнился один момент. По каким-то делам я оказался в Кабуле в подразделении, которое занималось отправкой погибших воинов на Родину. На одном из «грузов-200» увидел табличку «Симбирский». Именно с переносом. Почему-то это врезалось мне в память. После Афганистана и развала СССР я служил в Белоруссии. Сам родом из Симбирополя. Жена из Прокопьевска. Долго думали, где же все-таки будем жить. Выбрали Прокопьевск. Спустя годы я был на открытии мемориальной доски Валерия Симбирскому в 25-й школе. Такие совпадения. И узнал, что это именно тот Симбирский, которого я и видел последним на Афганской земле.

Сейчас планируется на аллее Героев установить мемориальный комплекс, посвященный памяти воинов, погибших в горячих точках планеты. Их имена увековечат, и они встанут в один ряд с героями-прокопчанцами, погибшими в Великой Отечественной. И это справедливо. Наши ребята отдавали свои жизни тоже ради того, чтобы народы моей страны могли жить в безопасности, под мирным небом.

В настоящее время в Прокопьевске проживают 1373 участника вооруженных конфликтов и локальных войн. Из них более тысячи прокопчан выполняли свой воинский долг в Чеченской Республике и на Северном Кавказе. В скорбном списке погибших имена 38 жителей нашего города.

Игорь СЕМЕНОВ

Напоминаем расчетный счет благотворительного марафона «Живая память»

Образец заполнения платежного поручения:

ОТДЕЛЕНИЕ КЕМЕРОВО Г. КЕМЕРОВО Банк получателя	БИК 043207001
ИНН 4223054110 КПП 422301001	Сч. № 40101810400000010007
УФК по Кемеровской области (комитет социальной защиты населения администрации города Прокопьевска, Л/С 04393051400)	
Получатель	

ВНИМАНИЕ!

В назначении платежа и в поле 104 укажите, пожалуйста, код дохода 91520704050040009180 – для юридических лиц. Изготовление и установка памятника прокопчанам (ВБД), погибшим в горячих точках.
ОКТМО 32737000
ОГРН 1114223004720
ОКОПФ 75404
Дата постановки на учет 05.07.2011 г.
ОКПО 43844441